

УДК 327.51 (1-15)

Теплухин В.В.¹

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК ПОСЛЕ 1991 ГОДА

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

Teplukhin V.V.

THE EXPANSION OF NATO TO THE EAST AFTER 1991

*MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
Air Force Academy» (Voronezh)*

Реферат: В статье проанализированы причины, направления и механизм расширения Североатлантического альянса на восток после распада СССР и официального окончания «холодной войны». Акцентируется внимание на том, что НАТО стало важнейшим инструментом утверждения военно-политической гегемонии США в международных отношениях. Несмотря на декларируемые принципы защиты мира и отсутствия угрозы для Российской Федерации, де-факто на сегодняшний день альянс имеет общую границу с Россией, а его действия носят провокационный характер.

Ключевые слова: Североатлантический альянс, расширение, глобальное лидерство, У. Клинтон.

Abstract: The article analyzes the causes, directions and mechanism of the North Atlantic Alliance expansion to the East after the collapse of the USSR and the official end of the cold war. Attention is drawn to the fact that NATO has become an important instrument for the approval of the us military and political hegemony in international relations. Despite the declared principles of the protection of peace and the absence of a threat to the Russian Federation, de facto today the Alliance has a common border with Russia, and its actions are provocative.

Keywords: North Atlantic alliance, expansion, global leadership, William Jefferson «Bill» Clinton.

---

¹ Теплухин В.В. – подполковник, к.и.н., начальник 14 ОНИ НИЦ (ППО и УА ВВС) ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж).

Важнейшим инструментом утверждения американской военно-политической гегемонии в мире является Североатлантический альянс. Расширение и усиление НАТО, выход военной активности блока за пределы зоны его ответственности и приближение к границам Российской Федерации не может не вызывать опасений. Чрезмерное усиление крупнейшего военного союза не способствует безопасности не только России, но и Европы, и всего мира в целом.

В существовании этого военно-политического объединения заинтересованы и США, и их европейские союзники. Несмотря на то, что европейцы всегда опасались американской мощи, именно военный союз с Соединенными Штатами позволяет им заметно экономить на собственной обороне во всех смыслах этого слова – и в финансовом, и в организационном, и в техническом плане. Объединение западноевропейских стран в общий военно-политический блок позволило им отказаться от силовых путей разрешения собственных противоречий, высвободить огромную энергию для внутреннего развития, в частности, экономического и социального. При этом Вашингтон, хотя и взял на себя львиную долю ответственности за функционирование НАТО, все же для США этот институт является наиболее рациональной формой утверждения военно-политического лидерства [1, с. 395–398]. Соединенные Шта-

ты выполняют функции идеолога, главного финансиста и вообще ведущей силы Североатлантического альянса (именно американский генерал руководит объединенными вооруженными силами НАТО в Европе) [2, с. 165–166]. Это требует от Вашингтона больших затрат, и тем не менее гораздо выгоднее, чем поддержка американской гегемонии в этой части света исключительно военными способами [3, с. 17].

В литературе нередко встречается мысль о том, что после распада ОВД свое существование должен был прекратить и НАТО. Ввиду выше приведенных обстоятельств становится понятно, что такой сценарий был неприемлем не только для США, но и для их западноевропейских партнеров. Более того, с распадом социалистического лагеря начался процесс расширения Североатлантического альянса. Для лучшего понимания современного состояния этой проблемы обратимся к логике и истории соответствующих событий с 1991 г. по настоящее время.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. перспективы НАТО не были до конца ясны. Ряд экспертов отмечали, что еще ни одному военному блоку не удавалось пережить своего врага. Большое внимание привлекали демократические трансформации в Центральной и Восточной Европе. Ради поддержки объединения Германии Советским Союзом представители ФРГ, Великобритания и США пообещали не

расширять Североатлантический альянс на восток и не выводить его активность за пределы зоны ответственности [2, с. 168]. Более того, в те годы многие проекты коллективной безопасности новой Европы не были ориентированы на НАТО. К примеру, МИД ФРГ при поддержке Чехословакии в 1990 г проводил политику глубокой институционализации СБСЕ, отдавая предпочтение этому институту безопасности. А в СССР популярность получила идея Европейского совета безопасности. Однако в планы Вашингтона не входило терять свое военное влияние в регионе, поэтому он попытался вырвать инициативу коллективной безопасности из рук европейцев. США предложили официальное обоснование не только существования НАТО в новых условиях, но и необходимости его расширения на восток. Суть американской концепции заключалась в том, чтобы рассматривать Североатлантический альянс в качестве инструмента распространения демократии и безопасности в Европе [4, с. 144–146]. Начался процесс мифотворчества вокруг расширения НАТО, идеологи которого вооружились понятиями суверенитета и права на самоопределение [5, с. 60–63].

Так называемый «демократический тезис» сводится к тому, что включение новых стран в НАТО будет гарантировать укрепление в них демократических режимов. Последние, в свою очередь, реже ведут агрессивную внешнюю поли-

тику, считаются наиболее приемлемыми торгово-экономическими партнерами, у них лучше обстоят дела с защитой прав человека и даже с экологией. Иными словами, Североатлантический союз после распада ОВД предлагалось рассматривать не как направленный против кого-то блок, а как союз государств для защиты демократии. Подобные доводы были призваны убедить скептически настроенных к расширению НАТО американцев и европейцев [4, с. 154–155]. Такую же функцию выполнял аргумент о НАТО как органе коллективной безопасности в Евроатлантическом регионе [6, с. 20]. Идеологи расширения указывали на то, что впервые благодаря распаду социалистического лагеря появилась возможность создать всеевропейскую систему безопасности без границ, которая будет поддерживать стабильность и безопасность, демократические реформы и добрососедство в регионе [7, с. 218–219].

Несмотря эту благозвучность, неофициально одним из важнейших доводов в пользу расширения альянса оставалась возможная угроза со стороны России. Эта логика была давно проверена временем: включение ФРГ в НАТО правительство К. Аденауэра обосновывало опасностью войны с Советским Союзом, советизации Западной Германии, расширения советского влияния на запад. Распад СССР ничего не изменил, расширение альянса на восток в умах многих связывалось с защитой новых членов

от намеренно раздуваемой российской угрозы [8, с. 10]. Этот тезис претерпевал некоторые содержательные изменения, но смысл не менялся. В 1990-е гг. речь чаще шла о нестабильности положения в России, потенциальной возможности возрождения ее имперских амбиций в будущем. Западные элиты долго не могли освободиться от идеологического багажа «холодной войны» [2, с. 168]. Как только Россия начала проводить самостоятельную внешнюю политику, защищать собственные национальные интересы и критиковать агрессивные операции НАТО, тезис «российской угрозы» стал переживать второе рождение. Интересно, что в гораздо более завуалированной форме американцы иногда используют еще один способ активизации страха европейцев за свою безопасность, туманно намекая на профилактику через институт НАТО опасности усиления Германии [1, с. 398–402].

Вплотную подходим к истинным мотивам расширения НАТО. Для Вашингтона это в значительной степени геополитический проект, попытка усилить американское влияние в Центральной и Восточной Европе, а также получить выход на страны Среднего Востока, Индию и Китай (в частности, на восточные китайские сепаратистски настроенные районы) [9, с. 86–87].

Как уже упоминалось выше, с распадом Советского Союза США пытаются выстраивать свою геге-

монию через лидерство в международных организациях по всему миру. Для Старого Света именно НАТО предстояло стать инструментом американского влияния на выстраивание архитектуры коллективной безопасности европейского региона [3, с. 18]. Для США НАТО не только рычаг влияния на Европу, но также инструмент военно-политического вмешательства по всему миру [10, с. 44]. Альянс выступает для американцев исходной точкой для действий на Ближнем Востоке, в Азии, в Африке. При этом Вашингтон заинтересован именно в расширении НАТО: в выступлении 1997 г. У. Клинтон подчеркнул соответствие расширения блока интересам США, в частности, и самому смыслу существования НАТО в целом. Американцы не случайно поддерживали вступление не совсем готовых для этого стран, свою роль здесь играли политические мотивы [5, с. 60–63]. В 1990-е гг. западноевропейские страны все чаще пытались действовать самостоятельно (даже проводить европейскую военную интеграцию). А новые, слепо преданные США союзники по НАТО должны были стать противовесом Франции и Германии в блоке [1, с. 398–402]. Справедливости ради следует отметить, что в США было и небольшое число противников расширения: некоторые военные, а также Г. Киссинджер и З. Бжезинский опасались силовой конфронтации с Россией, политического ослабления НАТО [5, с. 79].

В новых геополитических реалиях на процесс расширения НАТО заметное влияние могли оказать старые и наиболее сильные в военно-экономическом плане европейские союзники США [3, с. 17]. Для них принятие новых членов также сулило геополитические выгоды – из восточноевропейских стран образовывался своего рода буфер между Западной Европой и Россией [2, с. 171–172]. Однако от европейцев исходила критика, хотя и в большей степени не самой идеи расширения, а ее реализации. В начале 1990-х гг. ФРГ, Бельгия и Нидерланды активно поддерживали идею вступления восточных соседей в НАТО, а Великобритания и Франция (их поддерживали Турция, Греция, Испания и Португалия) указывали на несвоевременность расширения. Англичане и французы опасались политических и финансовых проблем, конфликтов на новых территориях альянса, нарушения согласованности в принятии решений членами блока [11, с. 4–5]. Критиковался избирательный подход к кандидатам в члены (французы предложили пригласить все европейские страны в блок и сохранить функции СБСЕ), высказывались опасения о неготовности потенциальных членов (англичане предлагали сначала проверить их через институты ЕС и ЗЕС). Кроме того, Италия, Испания, Турция, Греция и Португалия не хотели получить в лице новых союзников по НАТО конкурентов в получении финансо-

вой помощи [4, с. 152–153]. Любопытно, что тенденция сохранилась: старые члены блока встречают расширение с меньшим воодушевлением, чем молодые союзники США. Так, Польша, Румыния и прибалтийские государства активнее поддерживают усилия США по принятию новых членов в сравнении с Германией и Францией [12, с. 11–13].

Кроме геополитических члены блока НАТО от расширения получили немало частных выгод различного характера. Вступление новых членов стало ответом на усилившиеся после 1991 г. призывы рационализировать финансовые издержки союзников, которые не хотели в новых геополитических условиях продолжать вносить такие же большие взносы в общий оборонный бюджет. Расширение дало американцам новые рынки сбыта вооружения [5, с. 63–66, 74–77]. Нельзя забывать и о военнотехническом усилении альянса. По итогам первой волны расширения ВС НАТО выросли на 360 тыс. человек, получили 550 боевых самолетов, 50 кораблей и около 7,5 тыс. танков. Вторая волна дала альянсу 142 тыс. военнослужащих, 344 самолета, 1636 танков и свыше 100 боевых вертолетов. Расширение принесло альянсу военностратегические выгоды, в частности, вывело НАТО на границы Российской Федерации [10, с. 107–114].

В научной литературе можно встретить диаметрально противо-

положные точки зрения относительно того, кто больше заинтересован в расширении блока на восток – старые члены или кандидаты. Так, относительно первой волны есть мнение, что приоритетом для государств «Вышеградской группы» (Польша, Чехословакия, Венгрия) было попадание в Европейский Союз (в 1991 г. они разработали общую стратегию вступления в ЕС), а вступление в НАТО стало лишь компенсацией неудачи [5, с. 60–63]. Но М. Троицкий отмечает, что уже после событий января 1991 г. в Вильнюсе, августовского путча и окончательного распада СССР в вопросе обеспечения коллективной безопасности восточноевропейские страны сделали окончательный выбор в пользу НАТО, а не СБСЕ [4, с. 147–148]. Пришедшие на волне демократизации к власти в Восточной Европе политики (прежде всего, такие значимые как Л. Валенса и В. Гавел) активно ратовали за вступление своих стран в НАТО [3, с. 20]. Свою позицию они подкрепляли, прибегая к ряду более или менее самостоятельно сформулированных аргументов.

Во-первых, понимание нашли американские идеи поддержать демократические реформы в регионе, гарантировать стабильность и безопасность при помощи альянса. Восточноевропейские страны надеялись получить от сотрудничества с Западом импульс для собственного экономического развития, поддержку преобразований в об-

ласти финансов и экономики [2, с. 171–172]. В частности, высказывалась идея, что назревшие военные реформы обойдутся восточноевропейским правительствам дешевле при условии соответствующей помощи от НАТО [5, с. 68–74].

Во-вторых, активно фигурировал тезис безальтернативности вступления в НАТО [5, с. 60–63]. С одной стороны, он навязывался общественности восточноевропейских стран [13, с. 9–10]. Как уже отмечалось выше, в новых условиях НАТО стал позиционировать себя в качестве главного (читай – единственного) института стабильности и безопасности в Европе. У кандидатов складывалось впечатление, что НАТО и есть Европа, что лишь членство в альянсе позволит войти в общую систему безопасности [5, с. 68–74]. С другой стороны, действительно в регионе с распадом ОВД образовался силовой вакуум, что было особенно опасно ввиду нерешенности пограничных вопросов. Как отмечает М. Герасев, Россия так и не предложила альтернативного военно-политического объединения; не смогла продолжить военнотехническое сотрудничество со странами Восточной Европы, которые в значительной степени зависели от советских поставок вооружения (ЧСР – на 64 %, Польша – на 94 %, Болгария – на 93 %, Румыния – на 85 %, Югославия – на 98 % в 1987–1992 гг.) [14, с. 7–9]. А проекты военно-политической

интеграции Восточной Европы – «Вишеградская тройка» или «вишеградский треугольник», «Центрально-европейская инициатива» или «гексагональ» (Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Италия, Югославия) – оказались лишь попыткой ускорить вступление соответствующих стран в НАТО [15, с. 3–4].

В-третьих, на благодатную почву в Восточной Европе легли идеи защиты от российской угрозы. По инерции здесь сохранялся высокий уровень страха перед огромным восточным соседом [2, с. 171–172], будущая политика которого в регионе еще не была ясна. Это породило опасения возрождения в России имперских амбиций [13, с. 9–10] (восточные европейцы опасались и всплеска национализма в объединившейся Германии). Обсуждалась даже угроза проникновения в Восточную Европу социально-политической напряженности из постсоветского пространства [11, с. 2]. Возможная угроза со стороны России осталась главной причиной необходимости защиты НАТО после урегулирования пограничных вопросов между Польшей и Литвой, Венгрией и Словакией, Румынией и Венгрией, Румынией и Украиной [5, с. 68–74].

Юридическая основа натовской политики «открытых дверей» была заложена еще 10 статьей Вашингтонского договора [7, с. 215]. Она гласит: «Договаривающиеся стороны по всеобщему согласию могут предлагать любому другому

европейскому государству, способному развивать принципы настоящего Договора и вносить свой вклад в безопасность Североатлантического региона, присоединиться к настоящему Договору...» [6, с. 20]. От кандидатов требовалось мирным способом урегулировать межэтнические и территориальные споры, а также доказать способность вносить вклад в коллективную оборону и миротворческие операции Североатлантического альянса [7, с. 218–219].

Первое расширение Североатлантического альянса состоялось уже через три года после его образования (4 апреля 1949 г. блок образовали США, Бельгия, Дания, Франция, Великобритания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия). Новыми членами в 1952 г. стали Турция и Греция, в 1955 г. в альянс вступила ФРГ, а в 1982 г. – Испания [16, с. 62]. Считается, что путь восточноевропейских стран в НАТО предварил ряд политических и военных событий: доктрина Армея декабря 1967 г. (параллельно поддерживать достаточный уровень обороны альянса и разряжать напряженность отношений Востока и Запада), «новая восточная политика» ФРГ, подписание в Хельсинки в августе 1975 г. Заключительного акта СБСЕ, заключение Вашингтонского договора о ликвидации советских и американских ракет средней дальности наземного базирования в декабре 1987 г., признание движения «Солидарность» в

Польше, «Перестройка» и распад СССР, объединение Германии [7, с. 215–217].

Предвестником первой волны расширения можно считать Лондонский саммит НАТО июля 1990 г., определивший новую коалиционную восточную политику и провозгласивший переход от конфронтации с восточноевропейскими странами к диалогу и партнерству. В ноябре 1991 г. страны блока в Риме приняли «новую стратегическую концепцию НАТО», а также выдвинули инициативу формирования органа регулярных консультаций с восточноевропейскими государствами по вопросам стабильности и безопасности в Европе (Совет североатлантического сотрудничества или ССАС). Римская встреча стала своего рода реакцией на просьбы восточно-европейских стран о вступлении в НАТО. На тот момент альянс опасался общего ослабления блока в случае расширения, а также негативной реакции России [15, с. 2–3]. В итальянской столице члены Североатлантического альянса попытались обосновать существование НАТО в новых условиях, обновив в частности общие цели – борьба против наркобизнеса и терроризма, предотвращение катастроф. Требовался ли для этого такой огромный военный потенциал? На тот момент это объясняли сохранявшейся мощью Советского Союза, который, в действительности, уже тогда уступал блоку в военной мощи [2, с. 167–168].

Подготовка к вступлению в НАТО восточноевропейских стран продолжалась практически все 1990-е гг. на фоне организационных изменений в блоке. Так, в начале десятилетия альянс перешел на новую трехкомпонентную структуру ОВС: силы реагирования, главные оборонительные силы и войска усиления. Немногочисленные силы реагирования создавались для того, чтобы наиболее мобильно и высокопрофессионально контролировать обострение конфликтов и предотвращать их углубление (в случае необходимости выступать передовым эшелоном для усиленной группировки). В свою очередь, в силы реагирования были включены силы немедленного реагирования и силы быстрого развертывания. Первые должны быть задействованы в очаге конфликта, в первую очередь, они также готовят вступление в конфликт основного состава сил быстрого реагирования (СБР) [17, с. 3–4].

Претендентов в члены было много, однако на выбор повлиял ряд обстоятельств. Например, было решено первым этапом взять наиболее готовых в военно-экономическом и политическом отношениях, а именно «Вышеградскую группу». Немаловажным было то, что вступление этих стран находило поддержку у европейцев, и что они были в состоянии нести хотя бы часть военных расходов (вооруженные силы поляков, чехов и венгров по уровню превосходили

как минимум армии трех старых членов блока). При этом для второго раунда следовало оставить несколько не менее заслуживающих вступления в НАТО стран, таких как Словения и Словакия (Италия, Канада, Испания, Португалия и Франция предлагали взять Румынию и Словению в числе первых) [4, с. 157–158]. После выработки решения процесс был запущен. В 1995 г. было проведено «Исследование о расширении НАТО», отвечавшее на вопросы, почему и как будет проходить расширение [7, с. 218–219]. Тогда же определились критерии для новых членов: демократический режим и рыночная экономика, обеспечение прав меньшинств в духе предписаний ОБСЕ, отсутствие территориальных споров с соседними странами, приверженность мирному урегулированию конфликтов, возможность и готовность выделить военные силы и средства для нужд альянса, оперативная совместимость с войсками членов блока [5, с. 59].

В 1995 г. начался углубленный диалог стран НАТО с Польшей, Чехией и Венгрией [7, с. 219]. На Мадридской встрече стран Североатлантического альянса в июле 1997 г. эти государства были приглашены начать переговоры о присоединении к НАТО. Их включение в блок противоречит договоренностям о нерушимости границ в послевоенной Европе. В том же году каждая страна-кандидат подписала протоколы о присоединении [5, с. 59]. И все же расширение Се-

вероатлантического альянса в значительной степени было политическим актом. По оценкам американских военных экспертов Польша, Чехия и Венгрия в 1997 – в начале 1998 гг. в военном плане еще не были готовы вступить в альянс. Во-первых, страны не располагали достаточными финансовыми ресурсами для военных реформ. Во-вторых, уровень их военных сил оставлял желать лучшего. Отмечалась слабая боевая подготовка, недостатки взаимодействия стран-союзниц с государствами-кандидатами. Польские ВМС, венгерская ПВО и чешские ВВС были признаны устаревшими и несовместимыми с НАТО [18, с. 63].

Все же весной 1999 г. Венгрия, Польша и Чехия официально вошли в альянс. На юбилейной встрече 24 апреля 1999 г. блок принял новую стратегическую концепцию, в которой военная сила рассматривалась как приоритетный инструмент международной политики [2, с. 169]. Кроме того, концепция подчеркнула центральную роль НАТО в евроатлантической системе безопасности [19, с. 2]. Также на встрече в Вашингтоне был выдвинут «План действий по подготовке к членству в НАТО» (ПДПЧ) для помощи в подготовке кандидатов. Он охватил 9 стран: Албания, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Македония, Словакия, Словения, Эстония (с 2002 г. Хорватия) [10, с. 104–106]. Программа разрабатывалась с учетом опыта Польши, Венгрии и Чехии. Ее

главной задачей провозглашалось: помочь кандидатам сконцентрироваться на достижениях первостепенных целей и задач. ПДПЧ предусматривал совещания, консультации, совместные учения [7, с. 221]. Официально блок провозгласил, что эта программа не является гарантией будущего вступления в НАТО, ведь решение об этом принимается союзниками коллегиально и на основе индивидуального подхода к претенденту [6, с. 23–24].

С начала 2001 г. вторая волна расширения НАТО рассматривалась в качестве реальной перспективы, на что повлияло изменение ситуации внутри блока и на международной арене. Война в Югославии вскрыла глубокое отставание европейских союзников США в военной технике (американская составляла 90 %), продемонстрировала неповоротливость системы принятия решений (необходимость получения согласия всех членов понижала эффективность авиаударов). Еще отчетливее внутренние проблемы альянса проявились в период подготовки и проведения операции против Ирака. С войной в Югославии была связана первая волна расширения, а с войной в Ираке – вторая. Операция в Ираке показала, что Вашингтон не намерен учитывать мнение всех своих союзников. На тот момент американцы уже были заинтересованы в лавинообразном расширении НАТО, которое лишь призвано обеспечить политический тыл амери-

канским военным. Война в Ираке во многом вскрыла реальное отношение американцев к блоку. Можно привести несколько показательных примеров. Так, 7 новых кандидатов сразу же получили приглашение лишь потому, что безоговорочно поддержали американскую инициативу военных действий против Ирака, и послали туда свои военные контингенты. Когда же война закончилась, Польше выделили в Ираке собственную зону оккупации (в противовес критиковавшим военную операцию против Ирака немцам и французам) [4, с. 160–163].

На встрече стран НАТО в Праге 21–22 ноября 2002 г. в альянс пригласили Болгарию, Румынию, Словению, Словакию, Литву, Латвию и Эстонию. На саммите в чешской столице также было принято Пражское обязательство о потенциале, созданы Силы реагирования НАТО и проведена оптимизация структуры органов управления силами блока. Страны-кандидаты приняли официальные заявления о намерениях, приступили к совершенствованию оперативных сил и средств [6, с. 20–27, 73–74]. В марте 2003 г. министры иностранных дел соответствующих стран подписали протоколы о присоединении к Вашингтонскому договору [7, с. 219–220]. Через год Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония официально вступили в НАТО [12, с. 11–13].

В 2008 г. на встрече стран НАТО в Бухаресте был достигнут консенсус по приему Албании и Хорватии (по Македонии против высказались греки). Тогда даже обсуждался вопрос вступления Украины и Грузии: в нем Вашингтон, как и следовало ожидать, поддерживали 11 восточноевропейских союзников по НАТО [10, с. 107–114]. После того, как США провозгласили поворот к Азиатско-Тихоокеанскому региону, начали проявляться тенденции к укреплению «европейской опоры» Североатлантического альянса. Иными словами, Вашингтон пытается возложить большую долю ответственности на европейских членов. Одним из признаков этого считается возвращение Франции в военную структуру блока в 2009 г. [3, с. 22–23].

Принятая в 2009 г. концепция НАТО отличалась вниманием к региону Южного Кавказа и Центральной Азии, к процессам внутри ЕС (усилению Германии). Высказывалось мнение, что альянс на тот момент планировал обратиться к предложенной Бжезинским стратегии «Евразийских Балкан» (взаимодействие с исламистскими радикальными движениями для дестабилизации ситуации в пограничных районах России и Китая) [10, с. 96–99]. В апреле 2009 г. в состав НАТО официально вошли Албания и Хорватия. В итоге вооруженные силы альянса стали насчитывать около 4 млн. регулярных сил [12, с. 11–13].

Последним новым членом Североатлантического альянса на сегодняшний момент является Черногория (июнь 2017 г.). Перспективными претендентами считаются Македония, а также Босния и Герцеговина. Процесс расширения продолжается. Страна-кандидат должна быть европейской страной с демократическим режимом, в ней должны быть мирным путем разрешены межэтнические и территориальные противоречия, она должна быть способна вносить военный вклад в операции блока, не менее 2 % ВВП государства-претендента должны идти на военные расходы, ВС и военное образование по уровню должны соответствовать стандартам НАТО. Альянс подтверждает курс на предстоящее членство Грузии и Украины. Кроме того, в орбиту влияния блока активно втягиваются нейтральные страны типа Швеции и Финляндии [12, с. 13–17].

Представляется, что современная геополитическая ситуация (антироссийские настроения на Западе, конфликты на Украине и Ближнем Востоке – в Сирии и Ираке) будет способствовать дальнейшему расширению, а также усилению вооруженных сил Североатлантического альянса. К примеру, саммит НАТО 4–5 сентября 2014 г. принял решение направить на американские базы в Восточной Европе дополнительную танковую технику, увеличить численность патрулирующих воздушное пространство прибалтийских государств

американских самолетов, создать экспедиционный корпус в 4–10 тыс. человек на случай необходимости быстрой переброски войск. А 18 декабря того же года был принят законопроект Менендеса–Коркера «Акт поддержки свободы Украины». Проект преду-

сматривал возможность предоставления Украине, Молдове и Грузии статуса важных союзников НАТО без членства; поставку на Украину военной техники (противотанковое и бронебойное оружие, тактические БЛА, системы обнаружения и контроля огня) [18, с. 7–8].

Список литературы

1. Уткин А. Правда об Ираке, или битва в Месопотамии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 480 с.
2. Стародубов В. Россия – США. Глобальная зависимость. М.: Молодая гвардия, 2004. 249 с.
3. Богуславская Ю. НАТО в глобальной политике США: американские концепции трансформации. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 23 с.
4. Троицкий М. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. 252 с.
5. Эрлер Г. Глобальная монополия. Мировая политика после распада Советского Союза. М.: Экономическая демократия, 1999. 122 с.
6. Пражский саммит и преобразование НАТО. Brussels: NATO: Public diplomacy division, 2003. 118 с.
7. Справочник НАТО / Орг. Североатлант. Договора (НАТО). Brussels: NATO: Public diplomacy division, 2006. 440 с.
8. Синдеев А. Германия и европейская безопасность: история, актуальные подходы и сценарии // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений / под общ. ред. А. Слинько. Отв. ред. С. Дмитриева. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. Вып. 7. С. 7–23.
9. Войны XXI века: теоретический труд / под общ. рук. В. Третьякова. Военная Ордена Ленина Краснознаменная Ордена Суворова Академия Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Полиграфическое бюро ВАГШ, 2000. 286 с.
10. Штоль В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.
11. Костин Ю., Шепелев Д. Восточноевропейские страны и НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1995. № 4. С. 2–5.
12. Петров В. О некоторых аспектах расширения НАТО // Зарубежное военное обозрение. № 6 (819). 2015. С. 11–17.

13. Денисов А. Информационное оружие НАТО // Ориентир. 1998. № 2. С. 8–11.
14. Герасев М. «Взаимовыгодное сотрудничество – веление времени» // Ориентир. 1997. № 11. С. 7–9.
15. Васильев А. НАТО и Восточная Европа // Зарубежное военное обозрение. 1992. № 10. С. 2–5.
16. НАТО: 50 лет спустя // Зарубежное военное обозрение. 1999. № 4. С. 62.
17. Меженин А. Направления развития Объединенных вооруженных сил НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1994. № 12. С. 2–6.
18. Боеготовность вооруженных сил стран-будущих членов НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 3. С. 63.
19. Коалиционная военная стратегия НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1999. № 6. С. 2–7.
20. Бубнова Н. Российский фактор в военно-политической стратегии Барака Обамы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 5–17.

References

1. Utkin A. Pravda ob Irake, ili bitva v Mesopotamii. M.: OLMA Media Grupp, 2007. 480 s.
2. Starodubov V. Rossiya – SSHA. Global'naya zavisimost'. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 249 s.
3. Boguslavskaya YU. NATO v global'noj politike SSHA: amerikanskie koncepcii transformacii. Avtoref. diss. kand. polit. nauk. Sankt-Peterburg, 2013. 23 s.
4. Troickij M. Transatlanticheskij soyuz. Modernizaciya sistemy amerikano-evropejskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti. 1991–2004. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2004.
5. Ehrler G. Global'naya monopoliya. Mirovaya politika posle raspada Sovetskogo Soyuz. M.: Ehkonomicheskaya demokratiya, 1999. 122 s.
6. Prazhskij sammit i preobrazovanie NATO. Brussels: NATO: Public diplomacy division, 2003. 118 s.
7. Spravochnik NATO / Org. Severoatlant. Dogovora (NATO). Brussels: NATO: Public diplomacy division, 2006. 440 s.
8. Sindeev A. Germaniya i evropejskaya bezopasnost': istoriya, aktual'nye podhody i scenarii // Germaniya na perekrestkah istorii. Problemy vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacij mezhdunarodnyh otnoshenij / pod obshch. red. A. Slin'ko. Otv. red. S. Dmitrieva. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2016. Vyp. 7. S. 7–23.
9. Vojny XXI veka: teoreticheskij trud / pod obshch. ruk. V. Tret'yakova. Voennaya Ordena Lenina Krasnoznamenennaya Ordena Suvorova Akademiya Gen-

eral'nogo Shtaba Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. M.: Poligraficheskoe byuro VAGSH, 2000. 286 s.

10. Shtol' V. *Armiya «Novogo mirovogo poryadka»*. M.: OGI, 2010. 384 s.

11. Kostin YU., Shepelev D. *Vostochnoevropejskie strany i NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1995. № 4. S. 2–5.

12. Petrov V. *O nekotoryh aspektah rasshireniya NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. № 6 (819). 2015. S. 11–17.

13. Denisov A. *Informacionnoe oruzhie NATO // Orientir*. 1998. № 2. S. 8–11.

14. Gerasev M. *«Vzaimovygodnoe sotrudnichestvo – velenie vremeni» // Orientir*. 1997. № 11. S. 7–9.

15. Vasil'ev A. *NATO i Vostochnaya Evropa // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1992. № 10. S. 2–5.

16. *NATO: 50 let spustya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1999. № 4. S. 62.

17. Mezhenin A. *Napravleniya razvitiya Ob"edinennyh vooruzhennyh sil NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1994. № 12. S. 2–6.

18. *Boegotovnost' vooruzhennyh sil stran-budushchih chlenov NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1998. № 3. S. 63.

19. *Koalicionnaya voennaya strategiya NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 1999. № 6. S. 2–7.

20. Bubnova N. *Rossijskij faktor v voenno-politicheskoj strategii Baraka Obamy // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. № 6. S. 5–17.